

– *Parce que t’as une âme? Ravi de l’apprendre.*
Elle s’était tue, mortifiée.

Данный диалог происходит в период, когда двое молодых людей приезжают из Парижа в Лондон, вступают во взрослую жизнь и оказываются в неравных условиях: Ортанс приходится много трудиться, чтобы чего-то добиться в мире *haute couture*, в то время как Гари только подумывает о получении музыкального образования и ни в чем не нуждается. Ситуация диаметрально противоположна той, которую читатель мог наблюдать в первом томе трилогии (Ортанс жила на всем готовом, злоупотребляя добротой матери, а Гари вел скромную жизнь и помогал своей матери по хозяйству). Все изменилось, когда выяснилось, что Гари и его мать находятся в родстве с английской королевской семьей. Ирония персонажей здесь строится на повторах – один подхватывает реплику другого, повторяя часть сказанного первым и оборачивая слова оппонента против него же. Чаще к этому приему прибегает Гари, постоянно заставляя Ортанс оправдываться и неявно, а иногда и явно упрекая девушку в недостатке человечности и излишней расчетливости. Ортанс прибегает к ироническому повтору лишь однажды, когда объясняет, почему она стала такой расчетливой при такой доброй и бескорыстной матери. Это важный момент для раскрытия характера героини, которая во втором томе трилогии завоевывает уважение читателя тем, что работает не покладая рук и не сомневаясь в себе, и даже вызывает сочувствие, когда читатель понимает, откуда растут корни излишней прагматичности и толстокожести Ортанс. Последняя реплика Гари, довольно жесткая, глубоко задевает Ортанс (как можно понять из авторской ремарки), и в этот момент читатель понимает, что внутренний мир героини гораздо глубже, тоньше и раннее, чем она демонстрировала это до сих пор.

Таким образом, комический дискурс в речи персонажей литературного произведения может выступать важным средством создания художественного образа.

И. В. Матюшевская

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ХИНДИ И САНСКРИТА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В современную эпоху глобализации происходит постоянный обмен языковыми и культурными элементами, изменяются экономические модели. В наши дни отмечается значительное обогащение словарного состава французского языка, что происходит благодаря стремительному развитию многих сфер человеческой деятельности и заимствованию реалий.

Заимствования являются одним из ответов на потребность номинации, возникающую в результате языковых контактов, а также глобализации. Они позволяют сэкономить языковые усилия, и, кроме того, служат для заполнения номинативных лакун, возникших в данном языке. В ходе истории и по

сей день французский язык заимствовал и продолжает активно заимствовать лексику как из мертвых языков (латинский), так и из различных живых языков, относящихся к отличающимся языковым группам. В разные эпохи заимствования были обусловлены определенным историческим контекстом, характером экономических отношений между французским народом и другими нациями. В основном заимствования осуществлялись из языков одной и той же семьи и, в особенности, ветви.

Несмотря на значительную географическую удаленность, колониальная политика, которую вели Португалия (XVI в.) и Великобритания (XVII в.) в Индии, а также развитие торговли привели к попаданию в английский и португальский языки первых заимствований из хинди, санскрита и других языков (*bungalow* ‘бунгало’, *jungle* ‘джунгли’, *paria* ‘пария’). В отдельную категорию можно выделить блюда местной кухни, которые колонизаторы привезли на родину (*mangue* ‘манго’, *cari* ‘карри’, *garam massala* ‘гарам масала, особая смесь специй’, *aubergine* ‘баклажан’). Таким образом, некоторые из этих лексических единиц, имеющих предметное значение и называющих местные реалии, попали во французский язык через посредников: английский и португальский.

Хотя первые контакты между непосредственно Францией и Индией были установлены в начале XVII в., интерес к индийской культуре и литературе появился на сто лет позже, что ознаменовало собой и возросшую популярность экзотизмов.

В наши дни часть заимствованных слов утратила свой экзотический характер и зачастую не воспринимается самими носителями языка как что-то «импортное».

Однако можно отметить, что в данный момент благодаря росту популярности движения нью-эйдж, увлечению йогой и духовными практиками Востока, в прессе и в интернет-пространстве встречается все больше слов из хинди и санскрита, которые пока не так прочно обосновались в языке и сохраняют свой выраженный иноязычный колорит. Такие лексемы, как *yoga* ‘йога’, *védiq ue* ‘ведический’, *gou rou* ‘гуру, лидер’, *man tra* ‘мантра’ – широко используются как в специализированных изданиях, так и в прессе общей направленности, как правило, в прямом значении, перенесенном из языка-источника.

Kankanamge organise des retraites axées autour de la méditation, du yoga et des massages ayurvédiques (Le Monde).

Ce film, réalisé par deux Américaines, retrace la vie de Paramahansa Yogananda, célèbre gou rou qui a largement contribué à diffuser le yoga et la méditation en Occident dans les années 1920 (Yoga Journal).

Со временем у наиболее употребимых лексических единиц может развиваться переносное значение, например, слово *nirvana* ‘нирвана, состояние освобождения от страданий’, нередко употребляется как синоним слова *блаженство*.

Les Jeux transportent la Chine dans le nirvana diplomatique (Le Monde).

Следует отметить, что специализированная пресса, пишущая о йоге, использует гораздо большее количество слов из санскрита, не знакомых широкой публике. Это объясняется тем, что санскрит выступает в этом случае как универсальный язык, который позволяет людям в любой точке планеты понять, о какой позиции, многие из которых имеют сложные названия, идет речь. Примечательно, что санскрит здесь осуществляет ту же функцию, которую латынь и греческий выполняли для языка науки. Сложные слова – названия поз – включают в себя корни, обозначающие части тела, благодаря чему становится понятна суть упражнения (*padangustasana* ‘наклон с захватом большого пальца ноги’ включает в себя элементы *pada* ‘нога’, *angusta* ‘большой палец’, *asana* ‘поза’). Многие названия содержат в себе элемент, который называет какое-либо животное или птицу, которыми вдохновлена та или иная позиция (*bakasana* ‘поза журавля’, *matsyasana* ‘поза рыбы’, *vrishchikasana* ‘поза скорпиона’, *ushtrasana* ‘поза верблюда’).

Закономерно, что этот пласт лексики, которую можно назвать специализированной, встречается в тематических изданиях, но даже там часто сопровождается переводом или комментарием.

Rendre votre corps aussi pur qu'un coquillage: voici le sens de cette méthode yogique ancestrale, shankha signifiant « coquillage » et prakshalana « laver entièrement ».

Таким образом, несмотря на малый процент слов, заимствованных из хинди и санскрита, эти языки занимают свою нишу и в XXI в. продолжают пополнять лексический состав французского языка.

В. А. Павловский

УСТНАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕЧЬ И ЕЕ ПИСЬМЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ

Слова известного французского лингвиста Жана Вандриеса, произнесенные в 1933 г. относительно того, что «французы не говорят так, как пишут и не пишут так, как говорят» не потеряли своей актуальности по нынешний день. Речь идет не только об особенностях французской орфографии как таковой. Сложность состоит в том, что графический и произносительный коды французского языка существенно отличаются друг от друга. Они, по сути, представляют собой две разные подсистемы языка, которые практически не взаимосвязаны. Осознание сущности данного явления происходит прежде всего в процессе преподавания французского языка как иностранного. Уже на начальном этапе, в ходе написания простейших диктантов, студенты то и дело задают вопрос «А как это пишется?». Дело в том, что студентам бывает сложно установить существующую логическую связь между графическим оформлением и фонетическим строем французского языка. Даже на старших курсах студенты не в полной мере осваивают звукобуквенные соответствия, существующие исключения, обусловленные исторически, принципы расстановки диакритических знаков и многое другое.